

«ЗОЛОТО ТИГРОВ НА ЧЁРНОМ». ЦВЕТОМУЗЫКА ЕВГЕНИЯ ВОЛКОВА

(Евгений Волков, Натюрморт. Стихи. – М., Стеклограф, 2023. – 88 с.)

«Натюрморт» – книга относительно небольшая, но плотность бумаги и текстов поэта создают у читателя иллюзию большого, полновесного тома. Новая книга Евгения Волкова, как и предыдущая, «Колокол» – настоящее произведение полиграфического искусства. Хорошо, что у нас есть издательства, которые обращают пристальное внимание на «обёртку». Вдобавок к ставшей уже традиционной для книг Волкова в «Стеклографе» мелованной бумаге издатели порадовали нас, читателей, двумя суперобложками. Их сочетание создаёт образ зеркала, занавешенного чёрным. Несомненно, такие концептуальные вещи без ведома автора не делаются. Выступивший на презентации книги Волкова критик Данила Давыдов, говоря об оформлении книги, вспомнил строки Андрея Вознесенского из стихотворения «Смерть Шукшина», продублированные позже метафористом Александром Ерёменко: «Занавесить бы чёрным Байкал, / словно зеркало в доме покойника». Критик отметил в стихах Волкова параллели с метареализмом Ерёменко. Я нашёл у Александра Ерёменко ещё несколько строк, которыми вполне можно проиллюстрировать обложку новой книги Евгения Волкова: «где аккуратно вставленная смерть / глядит вокруг открытыми глазами». Волкова и Ерёменко роднит сочетание в их стихах центонов и силлаботоники. Вместе с тем, оба поэта – несомненно, прекрасные лирики. Всё это очень интересно исследовать.

вечерних звуков бредень разверну –

для серебра что попадётся в сети

для тёмных вод умноживших луну

для междометий брошенных на ветер

мне на ветру привычно камень –

личинами чинами ли чужими

и забывать развешанное имя

и не искать утраченное впрод

не ведают покоя жернова

сминая зёрна сумрака и страха –

и для которых я лишь сгусток праха

наощуть разбирающий слова

Обращает на себя внимание строфика стихов Евгения. Его тексты идут целиком от начала до конца, не разбиваясь на катрены. Где-то его строчки прижимаются друг к другу, будто в любовном экстазе. А где-то между ними и отдельными словами возникают воздушные пробелы. Поэтому, наверное, тексты Волкова нецелесообразно давать в строчку. В стихах Евгения нет никаких знаков препинания – только редкие тире для обозначения смысловых пауз. В новую книгу поэта вошли как свежие, так и уже хорошо зарекомендовавшие себя стихи, опубликованные в толстых журналах. «Я пишу медленно, мучительно, мне приходилось заново придумывать язык», – сказал на презентации книги автор о своём детище.

Книга Евгения Волкова открывается стихотворением памяти Олега Бабинова – «Никто». Так же называлась одна из последних книг Олега, которого связывала с Волковым крепкая дружба. Откуда взялось такое странное название? Дело в том, что поэт в настоящее время больше не «властитель дум». Он – «никто», он ни на что не претендует. Но мы помним: «кто был никем, тот станет всем». Или, как гласит ещё более поздний сакральный текст – «последние станут первыми». Конечно, подобное «самоуничтожение» – не более чем игра на контрастах, как у Бабинова, так и у Волкова. «Я – свет, стреляющий с двух рук», – заявляет в своём стихотворении Олег. У Евгения чеканка слов остаётся столь же приоритетной задачей, какой она была у предыдущих поэтических поколений: «вот только сам не ведая зачем / чеканил слово как свою монету – / я есть никто рождённый быть никем / и скоро буду призванным к ответу». Сочетание высокого и низкого – один из любимых стилистических приёмов Евгения Волкова, и стихотворение «Никто» – ещё одно тому подтверждение. Поэт трогательно посвятил эти стихи памяти друга.

Волков – автор умный и эрудированный. Его стихи – чтение во многом интеллектуальное. Стихи Волкова разнообразны по тематике и оригинальны по исполнению. Поэтическая речь Евгения напоминает по звучанию англоязычную речь, в которой много коротких слов. Как нельзя лучше отвечают этому такие размеры, как хорей и особенно ямб. Но если в английском языке такая речь естественна, то в русском это звучит как «высокое косноязычье», свойственное исключительно поэзии. Слог – это атом речи, и поэт увлечённо разбивает молекулы на атомы, высвобождая энергию постижения. Даже в тех стихах, где Евгений ломает силлаботонику, как в стихотворении «погоде всё хнычется», ставка у него всё равно делается на короткие одно-двухсложные слова. Опять-таки, я ощущаю здесь влияние английского языка. И у меня есть для этого веские основания: текст «Love me do», представленный в «Наторморте», выдаёт в авторе меломана, который с удовольствием слушает песни «Битлз». Добавляют стихам Волкова музыкальности и рефрены, часто встречающиеся в книге. Например, «дорогая выпьем яду» (стихотворение «накануне камнепада»). На рефренах построена и сага поэта о «простейших». Простейшие пируют, выходят на балкон, производят другие несложные действия (стихотворение «постылые орудия труда»). В сущности, простейшие – это та же пушкинская чернь, которая противостоит поэзии и поэтам. И патриотизм хорошо «строит» простейших.

В стихотворениях Евгения Волкова чётко прослеживается антивоенная позиция: «пусть бросит камень тот в ком нет вины – / и тот кто говорил что их там нету / нерусские опять хотят войны / и бьют поклоны имхо / имхотепу / касательно сойдут с небес дожди – / мир справедлив и потому прекрасен / что вожделяют испокон вожди / иметь героев молодое мясо». «Война – отец и царь всего», – писал ещё древнегреческий философ Гераклит. Произведения Волкова соединяют порой, казалось бы, несочетаемое. На одной странице его стихов сходятся Библия, Древний Египет, Михаил Лермонтов, Евгений Евтушенко, цитируются строки из песен «Комбат» группы «Любэ» и «Москва майская».

Структура поэтической речи позволяет Евгению много экспериментировать в слове. Словесные изобретения Волкова самодостаточны и интересны сами по себе. Его слух способен обнаружить самые неочевидные прочтения хорошо известных слов: боль нищцы, кар навал, бай конур, бога тырь, поза быта,

о бог рей, на выход ной, кол о кол. Поэт стремится вносить разнообразие в ритмические рисунки своих стихотворений. Пожалуй, мы все так или иначе окликаемся на зов чужих строчек и потом, как пазл, строим из заученных строк и стойких словосочетаний свой язык. Омонимические двусмысленности Волкова подобны палиндромам, которые можно читать по-разному, и так, и эдак. Часто это производит впечатление слуховой аберрации, но на самом деле автор демонстрирует нам абсолютный поэтический слух. Центоны в умелых руках обладают ценнейшим свойством – с их помощью поэт, вставая в один мысленный ряд с классиками, не только притягивает смыслы, но и выстраивает мост между прошлым и будущим. Иногда это не прямые, цитатные параллели, а смысловые. Например, «Натюрморт» Волкова родствен «Натюрмарту» Бродского, в котором есть такие строки: «Смерть придёт, у неё / будут твои глаза». Голос Волкова фугой вплетается и в известное нам со школьной программы стихотворение Блока «в соседнем доме окна жолты».

Невзирая на авангардное направление творчества, многие стихи Евгения Волкова – песенны. Он – сказитель, он – звуковик, который ловит музыку слов. Эта звуковая дорожка слышится во всех его произведениях. Звук в них доминирует и торжествует: «загораются в небе огни – / видит бог и навряд ли поможет / позади наши красные дни / наши добрые синие тоже / день который всему богодан / в небе утреннем и золочёном – / мой пароль потому майоран / что есть золото тигров на чёрном». Дивная музыка! И конечно, у Волкова – несомненный талант живописца. Вы посмотрите, какая у него цветомузыка, как умело чередуется цвет. «Золото тигров на чёрном» напоминает мне Уильяма Блейка, художника и поэта, и его знаменитого «Тигра».

Мир Волкова фантастичен и апокалиптичен: «ивы машут дредами – / на дворе темно / проданным и преданным / в общем всё равно / в общем ничего себе / остальное вам / мёртвым и разбросанным / по чужим полям / ломом подпоясаны / в небо ставят мост – / мужики с лампасами / да иисус христос». Это стихи высокого качества и абсолютно современного содержания. Некоторые строки поэта вызывают у меня чисто эстетическое наслаждение: «нас трогают глодая троглодиты», «подымая солнце бурлаками», «посапывает город оймякон – / разлит покой в стаканы ойкумены». Евгений Волков препарировал речь, и в его арсенале – не только цитаты. На фоне простоты ритма и метра в его стихах ещё чётче заметен превосходный звук.

Лирика Евгения Волкова искренна и свободна. В книге много изобретательной эротики: «и тот блажен кто не существовал – / чьё свято место тупо пустовало / кто пошевеливал под одеялом вал / когда мёд пиво пил под одеялом». Нестандартные стихи Волкова можно опознать по почерку среди десятков других текстов. Если поэт посеял качественные семена, они непременно взойдут. Именно такой вывод я сделал из книги «Натюрморт». Разнообразие замыслов и прекрасное исполнение делают новую книгу поэта находкой для читателя, который любит поэзию.

*времен и судеб прерывая нить –
вымарывая наши письма
они хотели нас похоронить
совсем не зная что мы семена*